

Журнальные заметки

с. 2.

кум, право!.. Отец вѣдь я нѣтъ!.. Долго еще разсыпался въ просьбахъ каменщиковъ, подливая собесѣднику пива. Чѣмъ же это закончилось?—Влагодарственную тебѣ за пиво, сказалъ надсмотрщикъ, а на работу въ понедѣльникъ нечего тебѣ придти,—я уже другого принялъ. И вообще такихъ разбоишниковъ, такихъ вѣсельниковъ, какъ ты, мнѣ не нужно!.. И надсмотрщикъ ушелъ... Въ безсильной злобѣ каменщикъ оторвалъ ножку отъ стола и ударилъ по стойкѣ. А дальше... полиція, протоколъ...

Маленькая драма „маленькихъ людей“. Большой интересъ представляетъ разсказъ Антона Чехова „Въ оврагѣ“. Дѣло происходитъ въ селѣ Уклеевѣ ничѣмъ впрочемъ не замѣчательномъ. Про это село говорили, что тамъ, „дѣвчекъ на похоровахъ всю икру съѣлъ“,—другихъ отличій оно не имѣло. Въ немъ живетъ мѣщанинъ Цыбукинъ, торгующій чѣмъ придется—скотомъ, ножами, хлѣбомъ, а главное его занятіе—тайная торговля водкой и выдача денегъ подъ проценты. Семья состоитъ изъ старшаго сына Степана, болѣзненнаго парня, жены его Аксиньи, красивой, изворотливой женщины, жены старика Цыбукина-Варвары, женщины богобоязненной и доброй, и младшаго сына, служившаго въ городѣ въ полицію „по сыскной части“. Семья жила мирно, много пили чаю, крѣпко спали и богатыли отъ продажи водки. Всякій занимался своимъ дѣломъ, а про младшаго сына Анисима отецъ говорилъ: „Вотъ не захотѣлъ дома жить, пошелъ по ученой части. Что-жъ, пускай, кто въ чему приспосовленъ. Въ одинъ изъ прїѣздовъ Анисима, агента—какъ онъ себя называетъ, его задумали женить и выбрали въ сосѣднемъ селѣ дѣвушку Лиду, скромную, безотвѣтную. Анисиму это было все равно, онъ только поспыснать, а затѣмъ уѣхать изъ городъ „по дѣламъ“.

За три дня до свадьбы прїѣхалъ Анисимъ, въ шегольскомъ костюмѣ, и сейчасъ же подарилъ отцу десять серебряныхъ рублей и десять полтинниковъ, махачъ—столько-жъ, и Аксиньѣ—двадцать четвертаковъ. Всѣ монеты были новыя. Начались свадебные хлопоты, а затѣмъ свадебный пиръ, съ пѣвчими, съ „танчунчи“, съ музыкой, здѣсь присутствовала вся сельская знать. Было шумно, много разговоровъ и толкотни. А Лида сидѣла точно окаменѣла. Только изрѣдка было слышно изъ окна, какъ какая-то баба кричала. „Насосали нашей крови, ироды, нѣтъ на васъ погребѣ!“ Танцевали кадрили и одна изъ знакомыхъ держала во время танца въ обычныхъ рукахъ по бутылкѣ, а во рту рюмку, и это всѣмъ смѣшило.

Еще раньше Анисимъ все напоминалъ о какомъ то своемъ другѣ Самородовѣ, „котораго онъ насквозь видитъ“ и вообще говорилъ какими-то неясными намеками. А послѣ свадьбы въ разговорѣ махачкой онъ началъ совсѣмъ путаться. „Когда же вѣстали, говорилъ онъ, мнѣ было не по се-

бѣ. Какъ вотъ возьмешь изъ подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ ищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ запыкала, и, какъ меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! а какъ вышелъ изъ церкви—и ничего. Да и откуда мнѣ знать есть Богъ или нѣтъ?..“

Скоро разразилась гроза. Весь этотъ укладъ жизни, прочно построенный старикомъ Цыбукинымъ все сколоченное годами богатство, приобретенное правдами и неправдами, весь, наконецъ, семейный строй—все пошло прахомъ. Сначала темные слухи, а потомъ и явные улики доказали, что Анисимъ вѣсѣлъ со своимъ другомъ Самородовымъ дѣлали фальшивую монету. Тѣ рубли и полтинники какіе онъ привезъ въ подарокъ своимъ семейнымъ, оказались фальшивыми. Узы, связывавшіе семью, распались, распри и ссоры дошли до крайнихъ предѣловъ и самъ старикъ Цыбукинъ бросилъ всѣ дѣла, осунулся и ослабѣлъ умомъ.

Мы не имѣемъ возможности передавать въ подробностяхъ содержаніе этого разсказа, написаннаго мастерской рукой Чехова. Здѣсь много правды, той жестокой правды, отъ которой становится не по себѣ, и эти мрачные признаки „власти тьмы“ такъ и давятъ и гнетутъ.

Совсѣмъ иначе идетъ дѣло въ разсказѣ М. В. Крестовской „Вопль“. Здѣсь открываются „большіе горизонты“. Рѣчь идетъ о милліонахъ, нѣмало идетъ крупными шагами и все это совершается въ интеллигентной средѣ и драма колеблетъ болѣе интимныя стороны человѣческаго существованія.

Разсказъ ведется отъ самого автора—жены инженера и застаётъ ее уже тогда, когда въ карманѣ ея мужа, дѣйствительно, милліоны; живутъ они въ роскошнѣйшемъ домѣ въ Петербургѣ, дають вечера, концерты, обѣды, съ участіемъ артистовъ и разныхъ знаменитостей. О предшествовавшей сѣренькой жизни остались одни лишь воспоминанія. Первое знакомство съ будущимъ мужемъ—Сашей началось, когда онъ былъ еще студентомъ, жизнь была простая, семейная, на Московскій ладъ. Потомъ, когда Саша сдѣлался инженеромъ, онъ быстро пошелъ въ гору: подряды, постаны, постройки, все шло удачно и онъ быстро сколотилъ первые 30 тысячъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ дѣло шло все шире, и шире, деньги начали приплывать уже не ручьемъ, а рѣкой, и тогда нѣтъ захотѣлось переселиться въ Петербургъ. Сначала шевелились у нихъ кой-какіе идеалы, сестра Сашинъ—Соня хотѣла было поступить на высшіе женскіе курсы и даже „пойти въ народъ“, какъ дѣлалось это дѣтъ двадцать тому назадъ, но Саша протестовалъ такимъ „бреднякомъ“, онъ желалъ, что бы его жена и сестра врастались въ высшій свѣтъ и не жалѣла денегъ, чтобы поступить въ нихъ всякія постороннія стремленія. У Сони былъ даже женихъ—идеалистъ врачъ Безсудный, но онъ долженъ былъ, по жребію обогащен-